

A black and white portrait of a young man, likely a soldier, shown in profile from the chest up. He is looking towards the right. The background is a dark, purple-tinted image of a battle scene with many soldiers in uniform, some holding rifles, creating a sense of a large-scale conflict.

Ольга
Палатникова

Сергей
Бондарчук

ЕГО ВОЙНА И МИР

Мужчины, покорившие мир

Ольга Палатникова

**Сергей Бондарчук.
Его война и мир**

«Алисторус»

2017

УДК 791.44.071 Бондарчук С.
ББК 85.374(2)6-8 Бондарчук С.

Палатникова О. А.

Сергей Бондарчук. Его война и мир / О. А. Палатникова —
«Алисторус», 2017 — (Мужчины, покорившие мир)

ISBN 978-5-906947-59-8

Никита Михалков однажды сказал: «Он создал планету Бондарчук». Его время — расцвет кинематографа. Его фильмы — мировые шедевры. «Они сражались за Родину», «Судьба человека»... Фильм «Война и мир» был отмечен сразу тремя престижными зарубежными премиями — «Оскаром», «Золотым глобусом» и премией национального совета кинематографистов США. Бессмертное произведение Л. Толстого благодаря гению Сергея Бондарчука стало бессмертным произведением кинематографа. Это, действительно, целая планета. Новая книга, созданная совместным трудом многих журналистов, актеров, режиссёров, раскрывает творческий и жизненный путь гения. О яркой судьбе — о блистательном взлёте и последнем тернистом пути художника и человека, о днях счастья и днях борьбы с новым временем говорят спутники «планеты Бондарчук». Главная лирическая героиня всей жизни Сергея Фёдоровича — Ирина Константиновна и дети — Фёдор, Елена, Наталья; друзья и коллеги — Г. Данелия, А. Кончаловский, Н. Михалков, К. Шахназаров, В. Лановой и многие, многие звезды, согреваемые в лучах огромного светила советского и мирового кино, рассказывают о войне и мире Сергея Бондарчука.

УДК 791.44.071 Бондарчук С.
ББК 85.374(2)6-8 Бондарчук С.

ISBN 978-5-906947-59-8

© Палатникова О. А., 2017

© Алисторус, 2017

Содержание

От составителя	7
Сергей Бондарчук	12
Нас подружил ВГИК	12
Людмила Шагалова,	12
Мой звёздный однокурсник	12
Владимир Наумов,	18
Он был настоящим другом	18
Самсон Самсонов,	25
Серёжа, знай, тебя любят и помнят	25
Клара Лучко,	33
«Кому повем печаль мою?..»	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ольга Палатникова

Сергей Бондарчук

Его война и мир

© Палатникова О. А., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

В книге использованы фотографии из личных архивов *И. К. Бондарчук-Скобцевой, Н. А. Иванова, Н. Я. Ларина*

Составление и литературная запись О. А. Палатниковой

От составителя

«Кино слишком серьёзное и очень массовое искусство, и оно должно служить, прежде всего, обогащению душевного мира людей, пробуждать в них лучшие, светлые чувства, подвигать на дела добрые и высокие», – писал о деле своей жизни Сергей Фёдорович Бондарчук. Тоскливо признавать: не обогащает наш душевный мир нынешнее российское кино и не подвигает на дела добрые и высокие. В первое десятилетие XXI века на наших кино- и телеэкранах торжествует глянцевый цветастый пустой картинка; манерное подобие жизни, рассудочное и мало-содержательное – без сострадания и вдохновения. Правда, случается, что сквозь жеманные страдания, спецслужбистские игрища, «ментовские» стрелялки и убогую юмористику пробиваются фильмы, отмеченные глубоким авторским размышлением, осенённые подлинным чувством. Но это – редкое исключение.

Выдающийся мастер эпического, просветлённо-трагедийного киноискусства Сергей Фёдорович Бондарчук писал, что считает главным для себя и в актёрском творчестве, и в режиссуре воздействовать на зрителей тем, что Лев Толстой определял как *«заражение чувствами»*. Каждый его фильм, каждый его эпизод – батальный, массовый, или локальный, сосредоточенный на психологизме человеческих отношений – вызывает отклик, сочувствие к происходящему на экране. Сергей Бондарчук в своих мощнейших киноэпопеях и киносказаниях всегда исповедует идею сердца, по философу Ивану Ильину, – русскую идею.

Идею сердца современная массовая культура спесиво отвергла и заставляет забыть о ней общество. Потому у большинства наших сограждан теперь иные идеи, ценности и желания, углубляться в них безрадостно. А повернись нынешняя Россия к идее сердца, возможно, и жизнь наша обрела бы иное наполнение – духоподъёмное, благородное, обрела бы нравственный созидательный смысл.

«Искусство объединяет людей вокруг любви к правде, добру и красоте». Это опять Толстой, и эта его мысль была очень близка Бондарчуку. Может, книга о нём – создателе великого кинополотна «Война и мир» – сумеет хоть в небольшой мере объединить нас, разобщённых, смятённых, страдающих, вокруг любви по Толстому? Немножко обнадёжить и повести к свету...

Киноискусство, которому служил и которое возвеличивал Сергей Фёдорович Бондарчук, современная кинокритика называет «кино Большого Стиля». Определение с сомнительным подтекстом. Стил – это же манера, в искусстве иногда – образ. Выходит, кино Бондарчука – это кино Большой Манеры, или Большого Образа? Не утверждаю, но есть в этой придумке саркастический штришок. Чураются кинокритики ясности, стесняются правды. А правда в том, что кинематограф, к которому прилепили ярлык «Большой Стил», правильно и честно обозначать – Великое Советское кино.

К счастью, не все кинодеятели такие увёртливые. Сын Сергея Фёдоровича, режиссёр и актёр Фёдор Бондарчук о мастерах кино отцовского поколения в интервью сказал: «Нам надо хотя бы приблизиться к ним, дотянуться до их уровня». Суждение – по совести и ценно тем, что высказано в год, когда его первый большой фильм «9 рота» посмотрели 7 миллионов зрителей. Правда, режиссёрский дебют его отца картину «Судьба человека» только в первый год выхода на экраны посмотрели около 30 миллионов наших соотечественников, но во времена видео и Интернета – 7 миллионов, пришедших в кинотеатр (то есть, проголосовавших за «9 роту» рублём) для режиссёра и его фильма – результат отличный. Отрадно, что среди нынешних 40-летних кинематографистов, где в явных лидерах и Фёдор Бондарчук, живёт взволнованное признание советского киноискусства.

Сергей Бондарчук грандиозно представляет кино советского периода. И превалирующее большинство вспоминающих о нём на этих страницах – тоже цвет отечественной культуры

того времени. Именно вторая половина XX века стала для участников книги наиболее плодотворной, щедрой на художнические свершения. Друзья, коллеги, ученики Сергея Фёдоровича факт создания этой работы восприняли с воодушевлением, на просьбу поделиться мыслями о творчестве, личности, судьбе мастера отозвались с доверием и серьёзно.

Обращаясь сердцем и думами к герою книги, авторы перелистывают дорогие для себя страницы собственных творческих биографий, вспоминают о крупнейших личностях, творивших историю национального кинематографа. Таким образом, рамки литературного портрета С. Ф. Бондарчука расширяются, и его актёрская, режиссёрская жизнь на книжных страницах начинает развиваться в пространстве, памятном и дорогом зрительской душе – в пространстве отечественной киноклассики.

Нынешний председатель Союза кинематографистов России Н. С. Михалков однажды о Сергее Фёдоровиче заметил: «Он создал планету БОНДАРЧУК». Наверное, Никита Сергеевич так иносказательно красиво определил, что Бондарчук, как планета, тело Небесное, читай – явление Божественное... И вместе с тем для нас эта планета зрима, явственна. Планета Сергея Бондарчука соткана из его киносозданий, кинообразов, героинь и героев его фильмов. Но он на своей планете не одинок. Рядом творят родные и родственные души, единомышленники.

Жизнь

Не раз на этих страницах пройдёт упоминание о Пятом съезде Союза кинематографистов СССР. Почти два десятка лет нет страны СССР, а в кинематографической среде до сих пор по поводу того съезда противостояние. Либеральничающее крыло гордо называет его восстанием. Художники-государственники восклицают: шабаш! позор! В мае 1986 года (по стране катилась перестройка) кинематографисты собрались на свой Пятый съезд. Устраивалось действо

с размахом – в Кремле. Перед съездом выбирали делегатов, и, закусив новые удила, отказали в депутатском мандате Бондарчуку. Вообще та история должна хоть когда-нибудь дожидаться подробного рассмотрения. И может статься, что в неприглядном свете предстанут в ней некоторые известные всей стране деятели кино и некоторые известные в узких кругах их приспешники. То собрание подавила злая воля. В исторических Кремлёвских стенах извергались исторические сквернословеса на старшее поколение художников советского киноэкрана, в первую голову – на Бондарчука.

Не так давно в связи с острой пертурбацией уже в российском киносообществе перед журналистами выступал главный редактор журнала «Искусство кино» и телевизионная персона Д. Дондурей. Это выступление передали по радио «Свобода». Он гневно вещал, что сейчас тот 5-й съезд шельмуют, а «с него началась гласность, началась свобода!». Не пожелали журналисты уточнить: за эти почти четверть века свободы и гласности, создан ли хоть один фильм-откровение уровня «Судьбы человека» или «Летят журавли», «Баллады о солдате» или «Дома, в котором я живу», «Иванова детства» или «Калины красной»; есть ли сейчас кинопроизведение, способное, как эти, снятые в «тоталитарные» годы, одухотворить нацию. Жаль, никто до такого вопроса не додумался и не пришлось главреду выкручиваться, пылкая речь о съезде продолжалась: «Утверждённые в ЦК КПСС лидеры не были избраны, а были избраны другие. И это оказалось столь важно, что завершилось в августе 1991-го». (Радио «Свобода», программа «Время свободы», дневной выпуск, 2.04.2009). Ново! Открыл нам глаза г. Дондурей. Оказывается, вон куда метили из Кремля те бунтари от кино – за пять лет до краха огромной страны уже в неё палили.

Авторы книги вспоминают тот 5-й съезд как тяжкое, гадкое потрясение, переживают за Сергея Фёдоровича. И ещё, наверное, каждый чутьём художника почувствовал тогда, что этот ушлый взрыв, этот бесстыдный напор направлен вообще на родное кино, которому отдано всё лучшее...

Работа над книгой началась почти 10 лет назад. Некоторые материалы из неё были опубликованы ранее и не изменены, другие – дополнены или сделаны впервые. Не обошли нас эти годы горестными утратами. Уходит замечательное поколение мастеров того Великого кино. Но! Все рассказчики литературную обработку своих текстов утвердили; нет в этих мемуарах никакой отсебятины.

Подобное мемуарное собрание без преувеличения и без заносчивости – труд напряжённый: давили ответственность и волнение. Сомневаюсь, смогла ли бы одолеть путь к Сергею Фёдоровичу без участливости коллег. Хорошую лепту внёс в книгу киновед Олег Сидоров; в записи воспоминаний участвовали журналистки Лариса Суходубова, Кристина Кириллова и талантливый историк кино петербуржец Пётр Багров. Душевно и действительно поддержал эту работу секретарь по организационным вопросам Союза кинематографистов Михаил Калинин. Не отказали в помощи дети авторов – дочь В. В. Тихонова Анна и сын нашего крупнейшего режиссёра И. В. Таланкина – тоже режиссёр Дмитрий Таланкин. Всем превеликое спасибо.

Но первая моя наставница и советчица в этой работе, конечно же, Ирина Константиновна Скобцева – главная лирическая героиня всей жизни Сергея Фёдоровича. В первом образовании она искусствовед, в студию МХАТа пришла с дипломом МГУ, и тот университетский, классический подход к материалу, с которым соприкасается, хранит в себе всю жизнь. Лет шесть назад она сыграла роль крупной театральной актрисы в мелодраме «Янтарные крылья». (Другую главную роль, тоже актрисы, сыграла их с Сергеем Фёдоровичем дочь Алёна Бондарчук. Алёна – одарённая, вдумчивая актриса, прелестная, грациозная женщина, истинно православная душа – Царствие ей Небесное). В фильме есть сцена репетиции «Вишнёвого сада», где героиня Скобцевой размышляет о характере Раневской, о времени действия пьесы, вообще о Чехове. В этой сцене – сама, как личность, Ирина Константиновна и есть! Точно так же, с обращением к русской литературе, особенно к Толстому, с раздумьями об актёрском внутрен-

нем мире, о режиссёрских открытиях Бондарчука она подошла и к книге. Отзывчивая и взыскательная, сильный стилист, тонко чувствующий многозначность, объёмность русского слова, она давала меткие замечания по текстам, помогала во всём. До земли кланяюсь Ирине Константиновне.

И сердечно благодарю Вас, уважаемый читатель, за выбор этой книги. Ведь если есть желание проникнуться судьбой и творчеством незабвенного русского актёра и режиссёра Сергея Фёдоровича Бондарчука, значит, зрительская любовь и верность русскому киноискусству неизгладимы.

Ольга Палатникова

Сергей Бондарчук Его война и мир

Нас подружил ВГИК

Людмила Шагалова, народная артистка России

Более 60 ролей в кино, среди них – в фильмах: «Семиклассники», «Молодая гвардия», «Дело № 306», «Самый медленный поезд», «Верные друзья», «Женитьба Бальзаминова», «Дядюшкин сон», «Не может быть!», «Усатый нянь», «Танцплощадка», «Подранки», «Где находится нофелет?».

Мой звёздный однокурсник

На актёрский факультет ВГИКа я поступила в конце войны. Первый год учёбы ничем примечательным не запомнился, разве что совершенно необычным для актёрской мастерской количеством студентов – поначалу нас училось 56 человек. В конце первого курса нашим Мастером стал Сергей Аполлинариевич Герасимов. После экзамена по актёрскому мастерству на второй курс он перевели лишь восемь девушек. Парня – ни одного. Объявили дополнительный набор – только мужчин. Тогда в нашу мастерскую пришли поступать Евгений Моргунов, Глеб Романов, Андрей Пунтус. Он-то вскоре и привёл своего друга Сергея Бондарчука. Бондарчук был самым старшим; смуглый, темноволосый, кудрявый красавец. Мы же – восемь счастливиц, уже второкурсниц – Клара Лучко, Инна Макарова, Муза Крепкогорская, Клава Лепанова, Олеся Иванова, Маргарита Иванова-Жарова, Адиба Шир-Ахмедова и я – присутствовали на прослушиваниях. Сергей читал отрывок из «Мёртвых душ». «Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал? знать у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить...» – в его исполнении Гоголь звучал с украинской зажигательностью и русской ширью. Мы после его чтения ещё долго сидели в тишине, потрясённые. «Чему же я тебя учить-то буду? Ты же готовый артист» – только и заметил Герасимов¹.

И правда. На курсе он был первачом! Жюльена Сореля играл чудесно. Та курсовая работа – отрывок из романа Стендаля «Красное и чёрное» – была изумительной. Серёжа Бондарчук и Клава Лепанова в роли мадам де Реналь в парной сцене объяснения были загляденье, ток между ними пробегал, столько чувства, нежности... Клавочка Лепанова ушла от нас рано, Царствие ей Небесное...

Сергей Аполлинариевич и Тамара Фёдоровна Макарова (в моё время – ещё педагог-ассистент) нацеливали нас на художественную литературу, требовали, чтобы мы самостоятельно выбирали отрывки из русской классической прозы. Помню, для актёрского этюда в паре с

¹ Герасимов Сергей Аполлинариевич (1906–1985) – выдающийся советский кинорежиссёр, сценарист, актёр, педагог. Народный артист СССР. Многие, созданные им фильмы – классика советского кино: «Семеро смелых», «Комсомольск», «Учитель», «Маскарад», «Молодая гвардия», «Тихий Дон», «Журналист», «У озера», «Любить человека», «Красное и чёрное», «Дочки-матери», «Лев Толстой». Почти 40 лет вместе с супругой, Народной артисткой СССР Тамарой Макаровой растил во ВГИКе будущих режиссёров и актёров. Кроме представленных в книге именитых герасимовцев, эту мастерскую в разные годы окончили замечательные актёры: А. Ларионова, Н. Рыбников, Л. Гурченко, Г. Польских, Л. Лукина, Ж. Болотова, Н. Губенко, С. Никоненко, Н. Белохвостикова, Н. Ерёмченко, В. Спиридонов, Л. Удовиченко и другие. (Здесь и далее примечания составителя).

Самсоном Самсоновым (он учился в режиссёрской группе нашей мастерской) мы подготовили отрывок из романа Достоевского «Бесы», я играла Марию Лебядкину, хромоножку. Хотя в то время Достоевский национальным классиком не считался, его вообще предпочитали замалчивать. Сергей Аполлинариевич нас хвалил. Не оправдала я его похвалы на экзамене: влюбилась без памяти, погулять хотелось, подготовиться не успевала, и быстренько выучила рассказ Чехова «Страдальцы». Эта ироничная история про молоденькую дамочку, которая, чуть захворав, всю ночь представляет, как «её, интересно бледную, одевают в розовое платье и кладут в очень дорогой гроб на золотых ножках», а через день, выздоровев, «вертится перед зеркалом и надевает шляпку». Проиграла я этот рассказик. «Три! – объявил мне Герасимов. – Это, Ляля, не Чехов, а пока что лишь Чехонте». То есть литература игровая, легковесная, не глубокая и не серьёзная.

Серёжа Бондарчук на том экзамене сыграл большой отрывок из гоголевских «Записок сумасшедшего». Сыграл гениально. Эту его актёрскую работу не забыть! Принёс стол и чего только с этим столом не вытворял! То присядет на него, то уляжется, то стойку сделает, то бегают вокруг, то под стол залезет. Глядя на него, мы хохотали и плакали: таким он был и уморительным, и трогательно-трагичным. Члены экзаменационной комиссии, признанные и титулованные режиссёры Иван Пырьев и Юлий Райзман, аплодировали ему стоя! Тогда во вгиковской аудитории он явил себя как блестящий, превосходно владеющий искусством эксцентрики характерный артист. Ужасно жалко, что не случилось Бондарчуку раскрыть свой яркий комедийный талант в большом кино. Он сразу начал играть или советских героев – «Кавалер Золотой Звезды», или классических – «Отелло», а мог бы стать непревзойдённым мастером кинокомедии.

Пластика у Сергея была удивительная. Наш педагог по пантомиме, в ту пору известный артист-мим (впоследствии режиссёр и идеолог русской пантомимы) Александр Румнев открыто восхищался Серёжей. Прыжок с переворотом вокруг себя он выполнял так эстетично и диковинно, что казался похожим на красивого, прыгучего кота. С виду немножко увалень, а лёгок, гибок невероятно. В цирке есть акробатический номер «Каучук», это, когда артист изгибается так, будто у него костей нет. Вот таким «каучуком» на занятиях пантомимой был Сергей.

Как-то после тех занятий и произошло событие, которое я запомнила на всю жизнь. Прозвенел звонок, мы ещё не отдышались хорошенько, и вдруг Глеб Романов заявляет: «В войну мне попала книжка „Хиромантия“, я её проштудировал, так что сейчас предскажу судьбу по линиям на ладонях. Давайте руки». Можно верить, можно не верить, но о многом, что случится с каждым из нас в дальнейшем, о том, как сложатся наши жизни, с поразительной проницательностью поведал тогда во вгиковском спортивном зале наш однокурсник Глеб...

Первым протянул руку Бондарчук. «Серёжа, – Глеб долго рассматривал его руки, – у тебя возле мизинца – звезда! Значит, жизнь твоя будет звёздная». Мы все были потрясены, и каждый скорее протянул Глебу свои руки: «А у меня звезда есть?». Больше ни у кого звезды не обнаружилось. Зато Музе Крепкогорской он сказал, что её уведут почти из-под венца; так и случилось: в Музу был влюблён один парень, мы все думали, что скоро погуляем на свадьбе, свадьба была, но не с этим юношей, а с Жорой Юматовым. Кстати, Юматову Глеб говорил, что в конце жизни с ним произойдёт нечто ужасное. Инне Макаровой было сказано, что не всегда у неё всё будет хорошо, жизнь преподнесёт и тяжкие переживания. Кларе Лучко Глеб напророчил трёх мужей, она даже рассердилась, прикрикнула: «Ты с ума сошёл!» – «Причём, второй, – не смущался Глеб, – будет намного старше». Точно: на съемках «Кубанских казаков» Клара встретила с выдающимся артистом, голубоглазым красавцем Сергеем Лукьяновым (игравшим Гордея Ворона), он стал её вторым мужем и был на 15 лет старше. «А ты? А ты?!» – наступала на нашего хироманта Клара. «А меня ждёт тюрьма, – вздыхал Глеб, – жизнь моя будет адская, умру очень рано и чуть ли не под забором». Истинно так: его жизнь – насто-

ящая трагедия. Начал он удачно и прелестно. В середине пятидесятых на экраны вышел милый музыкальный фильм «Матрос с „Кометы“», Глеб Романов – тогда море обаяния – сыграл в нём главную роль и мгновенно стал очень популярным. Фильм пользовался огромным успехом, песенки из него распевала вся страна. Глеб замечательно пел, у него был мягкий, приятный тенор. Он, кстати, едва ли не первым начал исполнять на эстраде зарубежные шлягеры. Как споёт «Бесаме мучо» или «Голубку» – гром оваций. Он вообще был талант – блестяще танцевал чечётку, великолепно играл на аккордеоне. Я помню, как ломилась публика в наш Театр киноактёра на Глеба Романова. 30 сольных концертов в месяц – дикая нагрузка. Он заболел, потом стал наркоманом, что-то натворил, угодил за решётку. Мы, однокурсники и коллеги по театру, подписывали письмо в его защиту. Бондарчук, конечно, в стороне не остался, его авторитетный голос оказался тогда решающим. Но Глеб так и не смог оправиться и подтвердил собственное предсказание своей судьбы...

А тогда, в институте, мы нет-нет, да и напомним Бондарчуку о гадании Глеба: «Повезёт тебе, Серёжа, в жизни, как никому из нас, – ведь только на твоей ладони из линий нарисовалась звёздочка».

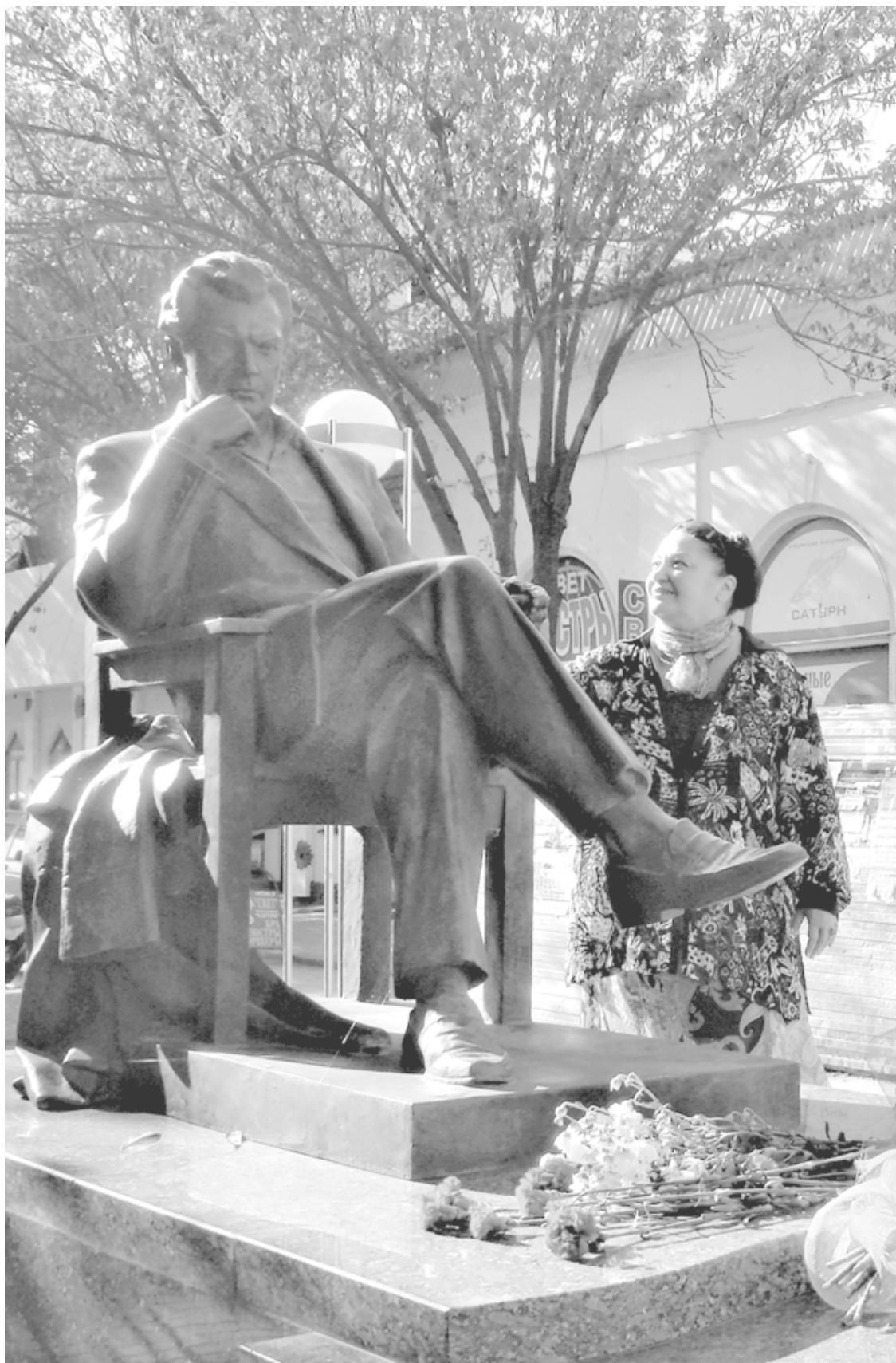
Единственная, я считаю, незадача произошла с ним на «Молодой гвардии». Никого из молодогвардейцев он играть не мог: когда Герасимов приступил к экранизации романа Фадеева, Бондарчуку было 27 лет. Некоторые в этом возрасте ведут себя, как юнцы, а в Сергее ощущалась зрелость. Зрелость, взращенная на пройденных им дорогах войны. Да и внешне – широкоплечий, коренастый – никак не подходил он на роли тех мальчишек, которые после школьного выпускного бала стали подпольщиками в оккупированном фашистами Краснодоне. Но Сергей Аполлинариевич любил Бондарчука, верил в него, и, наверное, представить не мог, как же его самый взрослый, самый сильный студент не будет занят в такой значительной по тем временам постановке. Серёжа сам для себя выбрал роль директора шахты Андрея Валько. Конечно же, Мастер пошёл ему навстречу.

Сначала «Молодая гвардия» стала нашим дипломным спектаклем. Александр Александрович Фадеев приходил нас смотреть неоднократно, нравились мы ему, и Сергей Аполлинариевич осуществил инсценировку романа на малой сцене Театра Киноактёра, в основном силами нашего курса. Всю зиму 1946/47 года играли мы «Молодую гвардию» при полном аншлаге. Успех был огромный. Люди сутками выстаивали за билетами. А из творческой интеллигенции кого только в зрительном зале не было! Известные писатели, композиторы, всенародно любимые артисты. Инна Макарова любит вспоминать, как плакала Фаина Раневская и как Михаил Светлов вместо цветов преподнёс ей пирожное, завернутое в бумажку. А мне больше всех запомнился Иван Семёнович Козловский. Дважды приходил он на наш спектакль; сядет в первом ряду, горло шерстяным шарфом замотано – в зале-то прохладно, ему бы побережся, а он внимает нам и слёзы вытирает...

Весной мы уехали на съёмки в Краснодон. Бондарчук потрясаяше играл Валько и в спектакле, и в фильме. Знаю точно, как дорожил этой ролью Сергей Фёдорович. Дорожил всю жизнь и очень жалел, что из картины вырезана сцена казни Валько и старого коммуниста Шульги (его замечательно играл большой русский, украинский артист Александр Хвыля). Эпизод трагический – их живьём фашисты закапывают в землю, а они и погребённые продолжают петь «Интернационал». Бондарчук считал эту сцену одной из лучших в своей актёрской жизни. Теперь известно, что сам «отец народов» обратил внимание, что в «Молодой гвардии» скупно показана руководящая роль коммунистов. Тогда мы лишь знали, что по указанию сверху Сергей Аполлинариевич вырезал из фильма и этот эпизод, и ещё несколько эпизодов, в центре которых Валько, потому образ этот оказался не то чтобы проходным, но не слишком значительным. Ужасно обидно за Серёжу. Мы, сыгравшие главных молодогвардейцев: Владимир Иванов (Олег Кошевой), Инна Макарова (Люба Шевцова), Нонна Мордюкова (Ульяна Громова), Сергей Гурзо (Сергей Тюленин) и я (Валя Борц) – в 1949 году получили Сталинские

премии. Для нас, начинающих актёров, это был успех фантастический! Все центральные газеты посвятили передовицы нашей картине, ведь «Молодая гвардия» вышла на экраны тиражом в полторы тысячи копий и одновременно демонстрировалась во всех крупных городах и сёлах Советского Союза! Сейчас такое событие в кино невозможно, а тогда – страна ещё в руинах, а жизнь в кинематографе кипит, к нему приковано внимание измученного победившего народа. Нас – это не преувеличение и не бахвальство, так действительно было – обожала вся страна. Кроме того, звание лауреата Сталинской премии было, как пропуск в более благополучную, более уверенную жизнь.

А Бондарчука не удостоили. Поженились они с Инной Макаровой. (Правда, для меня это явилось неожиданностью, никакого «романа» я между ними не замечала, может, потому что была слишком погружена в свой «роман»). Перед тем, как появиться на свет их дочке Наташе, молодые супруги пошли в Моссовет хлопотать о комнате. Инна – уже известная артистка, любимица зрителей – впереди, Серёжа за её спиной, тогда его никто ещё не знал. Так что первое московское жильё для Бондарчука получила Инна Макарова.

Наталья Бондарчук у памятника отцу в Ейске

Сергей Аполлинариевич очень заботился о Бондарчуке. Уговаривал Александра Столпера дать Сергею роль Мересьева в фильме «Повесть о настоящем человеке». Столпер сделал кинопробу, но, как известно, этого героя сыграл Павел Кадочников. Первая проба на Шевченко у Сергея тоже была неважная, но Герасимов убеждал Савченко, что лучше Бондарчука никто не сыграет. И правильно убеждал – лучше бы никто не сыграл. И начался Серёжин стремительный взлёт. Но стартовал он с площадки Герасимова. Я вообще считаю, что он должен был Сергею Аполлинариевичу в пояс низко поклониться, чего, по-моему, не сделал. Объясню, почему так считаю. Десятки лет во ВГИКе Герасимов являлся деканом постановочного факультета, объединявшего два факультета – режиссёрский и актёрский. Когда Бондарчук и Скобцева пришли преподавать во ВГИК, он настоял на разделении – Герасимову оставил режиссёров, а сам стал заведовать кафедрой актёрского мастерства. Может, в таком разделении был резон, но по отношению к Мастеру Бондарчук поступил, на мой взгляд, неблагородно. Тогда между Учителем и Учеником большая кошка пробежала...

Вообще, по натуре Бондарчук человек исключительно упорный. Тамара Фёдоровна Макарова говорила: «Упрямый в достижении цели»; я бы добавила: упрямый хохол, только не с раздражительной, а с добродушной интонацией, с симпатией. На съёмках в Краснодаре мы получали (как и вся страна) рабочие карточки. 1946 год на беду оказался неурожайным, и в начале лета сорок седьмого даже на Украине было очень голодно. На карточки получали хлеб – три четверти буханки – и шли продавать на рынок. Мы, девочки, быстро сторгуемся. Никогда не забуду, как по-украински темпераментно торговалась Нонночка Мордюкова, а мы давились смехом. Продадим свой хлеб рублей за тридцать, тут же купим молока или овощей; а Серёжа хоть весь день будет стоять, но дешевле чем за сорок свой хлеб не уступит. Ведь корни его крестьянские, знал он цену хлебу да и вообще всякому труду. И сам был большой труженик. И конечно – талантище.

Однако далеко не все признавали его огромный талант. Завистники (а их было пруд пруди) злобно зубами скрипели. Помню, на приёме в честь деятелей кинематографии в Кремле кто-то из крупных мосфильмовских начальников шипит мне: «Бондарчук совсем обнаглел, ишь ты – один в двух лицах: и ставить „Судьбу человека“ хочет, и главную роль играть!». Руководство «Мосфильма» категорически возражало, приказа на запуск этой картины не давало. Но Сергей не сдавался, до ЦК КПСС дошёл и добился. А уж после «Судьбы человека» он на такую высокую ступень поднялся, что никаким злопыхателям до него не дотянуться было...

Хотя мне, признаться, из его фильмов на военную тему ближе «Они сражались за Родину»; потрясающий там по юмору, по народности актёрский дуэт – Василий Шукшин и Георгий Бурков. Думаю, создавая эту пару неунывающих «тёртых калачей», Сергей Бондарчук воспел великую солдатскую дружбу. Ведь во многом именно такая дружба и сделала несокрушимой нашу Красную Армию.

Может, я к Сергею чересчур придирчива, но его Пьера я не принимаю. У Толстого Пьеру 23 года! А не сорок с хвостиком, как во время работы над «Войной и миром» было Бондарчуку. Да и его Отелло не произвёл на меня особого впечатления.

А ведь я тоже немножко снималась в «Отелло». У меня была маленькая роль Бианки, возлюбленной Кассио. Сыграла я одну сценку, Сергей Иосифович Юткевич посмотрел материал: Дездемона – Ира Скобцева – беленькая, я – беленькая; наверное, решил, что многовато ярких блондинок для средневековой Венеции. Так и не состоялось моё участие в той картине. Но я тогда ни минутки не горевала, потому что сразу получила интересную, большую роль в детективе «Дело № 306». Съёмки этих двух фильмов шли параллельно, мы встречались на студии почти каждый день. Любовь Иры и Серёжи разгоралась на моих глазах. Удивительная была любовь, какая-то возвышенная и очень красивая.

Да! И в личной жизни улыбнулась Серёже подаренная ему судьбой звёздочка. Человек он сложный, замкнутый, думаю, Ирине с ним было не просто. Но прожили они сорок супруже-

ских лет в любви и согласии. Всю жизнь Ира – самый его надёжный, самый преданный, самый прекрасный дружок.

Из картин Сергея Фёдоровича Бондарчука я особенно люблю, как ни странно, «Степь». «Как ни странно» – потому что эта картина совсем не титулованная, и той помпы, что сопровождала выход на экраны его другие фильмы, «Степь» не получила. А я помню, как мы с мужем смотрели её на премьере в Доме кино. Мой муж – виднейший оператор-постановщик Вячеслав Шумский, снявший «Дом, в котором я живу», «Преступление и наказание», «Доживём до понедельника», «А зори здесь тихие», «Белый Бим Черное ухо» и ещё почти два десятка хороших, известных фильмов, то есть такой профессионал, которого, кажется, ничем не удивишь, – зачарованно смотрел на экран и восхищался изобразительным решением фильма «Степь». «Какая сила! Как поэтичен, как живописен каждый кадр. Сколько мастерства, Серёжиной души, любви к родному краю», – шептал мне на ухо мой Слава (тот самый Слава, из-за которого я и схлопотала трояк на экзамене по мастерству актёра).

«Муж у тебя в жизни будет один», – нагадал мне в далёкой юности Глеб Романов. Так и есть – больше шестидесяти лет мы вместе.

...И ещё одно предсказание Глеба. В последние годы я частенько о нём думаю и уношу памятью в тот послевоенный год, в наш плохо отапливаемый, обшарпанный институтский спортивный зал, где мы, будущие артисты, полушутя-полусерьёзно играли в хиромантию и дружно разглядывали звезду на ладони у Серёжи Бондарчука. Я с надеждой, вдруг и у меня найдётся хоть крохотная звёздочка, протягиваю нашему новоявленному прорицателю руку; он склонился над моей ладонью, потом поднял голову, смотрит прямо в глаза: «Ты умрёшь не своей смертью». Да... ХХI век начался для меня с потери зрения, совсем ничего не вижу. Но не сдаюсь, уж сколько лет держусь что есть мочи. Стараюсь быть в курсе всех событий в нашей стране. Даю интервью, корреспонденты даже из других городов звонят. Конечно же – рядом родные. Друзья и подруги тоже не оставляют своим вниманием. Порой услышу в телефонной трубке звонкие заботливые нотки Иры Скобцевой. Поддерживает меня добрым словом Ирочка дорогая...

Владимир Наумов, народный артист СССР

Режиссер фильмов: «Тревожная молодость», «Павел Корчагин», «Мир входящему», «Скверный анекдот», «Бег», «Легенда о Тиле», «Тегеран-43», «Берег» – все совместно с Александром Аловым. После смерти Алова поставил фильмы: «Выбор», «10 лет без права переписки», «Белый праздник», «Тайна Нардо, или Сон белой собаки».

Он был настоящим другом

...Странно, но про Сергея Фёдоровича Бондарчука я не могу рассказать ни одной байки, хотя мы знали друг друга почти полвека. Со студенчества. Я был юн – во ВГИК, на режиссёрский поступил в семнадцать лет. Сергей был постарше.

В первые послевоенные годы наш институт (как и любой институт страны) делился на две половины, точнее, на две доли. Одна доля свела в стенах ВГИКа опалённых, матёрых фронтовиков, с боевыми наградами на гимнастёрках и пиджаках. Другую долю составляли ребята, по возрасту на войну не попавшие. Таких наш Учитель Савченко прозвал «статский рябчик». Но вообще всё вгиковское студенчество той поры – это был своеобразный «борщ» из самых разных натур, со своим жизненным опытом, впечатлениями. Разница в возрасте между нами была не больше пяти-шести лет, но водораздел лежал огромный, потому что воевавшие ребята

протащили на своих плечах четыре года тяжелейшей войны и притащили пережитое в аудиторию. Однако несходство судеб на добром товариществе никак не сказывалось.

Фронтвик, студент актёрского факультета Серёжа Бондарчук сразу и охотно согласился сняться у меня в первой курсовой работе. Называлась она «Юлиус Фучик. Репортаж с петлёй на шее». По нынешним временам, делали мы её очень смешно. Облазили весь институт – искали место, которое можно было бы использовать под декорацию. Наконец нашли на пыльной стене проржавленную батарею, возле неё и пристроились, решив, что это будет Кремлёвская стена. Бондарчук мерил шагами небольшое пространство у батареи и играл собственную (Фучика) мечту – парад на Красной площади. Вообще-то, было страшновато – всё-таки история наша героическая, в те годы она требовала изображения монументального, а с нашей ржавой батареей, из которой к тому же капала вода, монументальности не достигнешь. Но молодость – время удалое, всё нам было нипочём и весело. Через много лет Сергей подарил мне книжечку сонетов Шекспира с надписью: «Дорогому виновнику моего начинания». Храню её, как дорогую память о нём.

Однажды Всеволод Илларионович Пудовкин нам, будущим режиссёрам, заметил: «Бондарчук – это танк». Причём он имел в виду не его пробивные свойства, не стремление добиться намеченного во что бы то ни стало, а психофизическое актёрское начало, актёрскую мощь, которая проявлялась в нём уже во ВГИКе. Впоследствии, глядя фильмы и роли Сергея Фёдоровича, я вспоминал это высказывание Пудовкина. Метко охарактеризовал Бондарчука классик советского кино.

Но мы не пудовкинцы, мы – всегда отмечаю это с гордостью – единственная за всю историю ВГИКа режиссёрская мастерская Игоря Андреевича Савченко, в те времена уже признанного мастера и лауреата Сталинской премии². На первом же занятии он заявил: «Не хочу делать из вас „савченят“. Каждый должен стать самим собой». И мы рвались к творческой самостоятельности, такие разные однокурсники: Саша Алов, Марлен Хуциев, Юра Озеров, Серёжа Параджанов, Лёша Коренев, Феликс Миронер, Латиф Файзиев, Гуля Лунина, я и другие. Вскоре Мастер понял, какие мы одержимые, и назвал наш курс «конгломерат безумствующих индивидуальностей».

Через год этот «конгломерат» в полном составе отправился на практику – в киноэкспедицию, на съёмки картины Мастера «Третий удар». Для нас это было событие невероятное; ведь мы, зелёные студенты, впервые в жизни познавали съёмочный процесс, и, как кот в сметане, в нём катались. Мы организовывали солдатскую массовку, участвовали в подготовке кадра, работали крановщиками, помогали реквизиторами, костюмерам. Но практика была полноценная – мы делали первые самостоятельные режиссёрские шаги.

Начиная картину «Тарас Шевченко», Савченко объявил, что мы опять пройдем практику ассистентами, рассказал, что натуру будем снимать у Арала и в украинских сёлах, павильоны – в Киеве, на киностудии имени Довженко, что вскоре поедем туда делать кинопробы, и дал первое задание: «Ребята, ищите Тараса». Мы с Аловым дружили с Бондарчуком и считали, что лучшего актёра на роль Шевченко не найти. Но Сергей был моложе, для пушечного портретного сходства ему нужно было выбривать лоб, а это могло оказаться чреватым. Бритый лоб Бондарчука становился иссиня-чёрным, как будто ваксой намазали – у него были чёрные как смоль жёсткие волосы.

Сергей Параджанов предложил Игнатия Юру, яркого украинского мастера, тогда премьера Винницкого театра, на что Савченко заметил: «Гнат актёр замечательный, но на Шев-

² Савченко Игорь Андреевич (1906–1950) – выдающийся советский режиссёр, сценарист, педагог. В 1934 году поставил одну из первых отечественных музыкальных кинокомедий – «Гармонь». Продолжил этот жанр фильмом «Старинный водевиль» (по водевилю П. С. Фёдорова «Аз и Ферт»). Его картина «Дума про казака Голоту» (по рассказу А. Гайдара «РВС») считается одним из лучших детских приключенческих фильмов. Создал кинополотна, ставшие киноклассикой: «Богдан Хмельницкий», «Иван Никулин – русский матрос», «Третий удар», «Тарас Шевченко».

ченко вряд ли подойдёт». Кто-то носился с идеей пригласить Амвросия Бучму, прославленного на всю страну великого украинского артиста. Бондарчук к тому времени тоже был немного известен – Валько сыграл в «Молодой гвардии». За исполнителя роли Шевченко у нас на курсе схватка шла отчаянная, каждый воевал за своего кандидата. Пока мы с Аловым убеждали Савченко насчёт Бондарчука, авантюрист Параджанов, от всех по секрету, привёз Юру и сбрил ему брови, которые, как известно, не вырастают. Гнат Юра – народный артист СССР, очень уважаемый, особенно на Украине актёр и театральный режиссёр, сидит в киевской гостинице и ждёт встречи с Савченко, а тот своё: «Не годится Гнат на Шевченко, вот Щепкина, пожалуйста, сыграет». Параджанов ещё некоторое время морочил голову доверчивому артисту, Мастер прознал про параджановские фокусы и утвердил Гната Петровича на роль Михайло Семёновича Щепкина. Договорились с ним о сроках съёмок и проводили с бритыми бровями на вокзал, к поезду на Винницу. Параджанов спрятался от Мастера, пропал на два дня – где он находился, неизвестно.

Мы с Аловым натиск не ослабляли, попеременно перехватывали Савченко и твердили про Бондарчука. Игорь Андреевич колебался, объяснял нам, что Серёжа ещё недостаточно опытный, а для него главное в картине – её вторая половина; он особый упор делал на Новопетровский форт, на эпизоды ссылки, на состояние Шевченко в сцене казни солдата Скобелева шпицрутенами. Но Бондарчук горел этим образом! Наконец-то Савченко почувствовал в нём эту ни с кем не сравнимую внутреннюю страстность – и не ошибся. Серёжа сыграл Кобзаря гениально, придав образу неподдельный, завораживающий трагизм. Никогда не забуду съёмки сцены, когда томящиеся скукой офицеры придумывают: «Не позвать ли ссыльного Шевченко, господина? Пусть нас развеселит, а потом выпорем». Появляется Шевченко, мгновенно всё понимает, но берёт предложенную рюмку водки и произносит монолог: «Я выпью за ваших матерей, господина, которые в муках произвели вас на свет и возложили на вас самые светлые надежды». Сергей играл с такой силой, что и актёров в кадре, и всю съёмочную группу била дрожь. Марк Бернес (один из любимых актёров Савченко, игравший в «Тарасе Шевченко» благородного капитана Косарева) после съёмки той сцены мне сказал: «По-моему, Бондарчук гипнотизёр. Не слабее Вольфа Мессинга. Он обладает огромной силой внушения». В Сергее действительно чувствовался магнетизм, который мог проявиться в любой момент и покорить окружающих.

История с картиной «Тарас Шевченко» была невероятная, в некоторой мере зловещая.

...Умер Савченко, умер в сорок четыре года. Мы, неискушённые четверокурсники, кончину Игоря Андреевича восприняли как тягостную, горестную реальность и знать не знали, что в нашей реальности существует иной мир, мир просто-таки гротескный...

После войны наше кино переживало прискорбные времена так называемого «малюкартинья». В 1950 году снималось только семь фильмов. За запуск в производство между режиссёрами шла невидимая борьба, тех же, кто не попал в план, министр кинематографии Большаков успокоил так: «В следующем году мы снимем сто картин и... – замолчал с перепугу, что сморозил, и добавил: – ...и обе хорошие». Над таким его заявлением кинематографическое сообщество потом долго смеялось втихомолку. Но по части сдавания картин Сталину Большаков был гений. Прожжённый был царедворец. Сталин посмотрел «Тараса Шевченко», смотрел внимательно, сделал 12 замечаний и велел Большакову: «Передайте мои замечания режиссёру». А режиссёр умер. Большаков об этом Сталину доложить не посмел и отчеканил «Слушаюсь, товарищ Сталин». Значит, он обещал хозяину, что передаст его замечания мёртвому человеку. Подумайте, какая сюрреалистическая ситуация! Она характеризует безумие мира, в котором мы жили.

Большаков в страхе позвал Пырёва и Ромма посоветоваться, и было решено поручить Алову и мне, ученикам Савченко, доделать фильм с поправками Сталина. Нас ночью подняли, привезли в Кинокомитет, в кабинет министра. Большаков сидел за столом и долго нас разглядывал. Мы ему явно не нравились. Наконец он заговорил. Саша Алов протянул руку к высо-

кому стакану с карандашами, вытянул один. «Поставьте карандаш на место! Никаких записей, запоминайте!» – резко сказал Большаков. И дословно передал нам замечания товарища Сталина. Нам предписывалось доснять несколько эпизодов. Наверное, это не самые лучшие эпизоды в картине. Но Бондарчук, который уже подробно вошёл в материал, в роль, работал с нами, студентами, шалопаями всерьёз, так же, как с Мастером, с такой же отдачей. Противоречий возникнуть не могло, наоборот – он искал вместе с нами, предлагал, как лучше сделать. Он был очень внимателен, пытался постичь до конца, чего они хотят, почему они хотят именно так. Какая бы точка зрения у него ни существовала, он понимал, что картину делает режиссёр. Всегда. Вообще-то уже тогда в нём пульсировало режиссёрское мышление. Вместе с ним мы закончили картину, «вождь всех времён и народов» посмотрел её снова, произнёс о Бондарчуке историческую фразу: «Подлинно народный артист», – и ушёл из зала. На следующий день Серёжа получил звание народного артиста СССР, а мы получили постановочное вознаграждение. Первый раз в жизни.

Съёмки в «Тарасе Шевченко», мне кажется, дали Бондарчуку очень много и актёрски, и человечески. Прежде всего, он встретился в деле с поразительным Игорем Андреевичем, который вообще обожал артистов, но некоторых обожал особо. На «Третьем ударе» у него особым был Михаил Астангов, на «Шевченко» – Бондарчук. Особость заключалась в том, что оба были артистами сопротивляющимися. И тогда начиналось то, что Савченко называл «маленько потравить», то есть уединиться с актёром и рассказать о его герое совершенно невероятные истории. Он уводил Серёжу подальше и открывал ему «удивительные тайны» про Шевченко, которые, мол, ни один историк, ни один литературовед не знает, а он знает доподлинно. Только он, Савченко, откопал в архивах, что у Шевченко была такая-то привычка, что однажды с ним и ещё с кем-то из революционных демократов приключилось то-то, и так далее. Сергей одними глазами иронично улыбался на «травлю» Савченко, но открыто усомниться в его рассказах себе не позволял – Игорь Андреевич был для него очень большим авторитетом.

Во время съёмок в декорациях мы, практиканты, жили в здании киностудии, в комнатах над столовой, но питались по большей части запахами из неё. Но Савченко объявил, что яблочки в довженковском саду уже налились, пришла пора для ночных вылазок. Бондарчук принимал в наших тайных походах самое активное участие. Он жил в гостинице «Интурист», в одном номере с Костей Сорокиным и Ваней Переверзевым: апартаменты, правда, роскошью не отличались – три койки стояли в ряд, как в казарме. Серёжино финансовое положение было почти таким же, как наше, поэтому вечером он приходил к нам на студию, и мы всем курсом отправлялись трясти плодоносный красавец сад. Иногда предводителем нашей шайки становился Савченко. Мы брали старые брюки, завязывали штанины, получалось два мешка, их наполняли яблоками и очень неплохо жили: у нас был хлеб с яблоками, засохший хлеб из столовой и сочные яблоки! А изредка – незабываемая украинская колбаса, которая скворчала и подпрыгивала на чугунной сковороде.

1957 год. Такие открытки любимых артистов продавали в каждом киоске Союзпечати

Именно в «Тарасе Шевченко» проявилась потрясающая актёрская черта Бондарчука. Он играл человека из другого века, из давнего времени. Играть исторически значительный персонаж – всё равно, что оказаться в тёмном лесу и вздрагивать от каждого шороха – не съедят ли сейчас тебя волки. Актёру предлагается войти в мир незнакомый, потому, возможно, тревожный; в мир иных ощущений, представлений. Понятно лишь, что в то время как-то иначе двигались, жестикуют, вели беседы; костюмы были другие. Фрак, например, на наших экранах немногие актёры умеют носить. По-моему, только на Бондарчуке, Смоктуновском и Евстигнееве фрак сидел так, будто они ходят в нём всю жизнь. Чтобы выглядеть органичным во фраке, надо уметь жить в нём.

В «Тарасе Шевченко» Бондарчук обнаружил то, что условно можно назвать генетической памятью. Чувство исторического времени у него было редкостное. Он многое ощущал интуитивно, о многом догадывался, многое выстраивал на таинственных предположениях. Мы с Аловым тоже старались постичь время. А наш дорогой Игорь Андреевич, который воспринимал середину XIX века по-своему, глядя на Бондарчука, радовался: «Смотрите-ка! В нём есть пифометр!». «Пифометр» – это савченковское словообразование, происходящее из двух слов: «пиф» – пятачок свиньи, которым она нюхает, метр – обозначение точности. Всех актёров он делил на тех, кто с «пифометром» и кто без такового. Если есть «пифометр» – это высшая похвала.

Думаю, что Савченко повлиял и на Бондарчука-режиссёра. Но это влияние не прямое, а рикошетное, опосредованное. Масштаб картин Савченко иной, чем масштаб картин Бондарчука. Масштаб Савченко, например в эпопее «Третий удар», помножен на скорость. А у Бондарчука превалируют размах и широта. Пространство они чувствовали по-разному. У Савченко в батальных сценах, если мчатся танки, то они завёрнуты в пыль, камни разлетаются так, что щёлкают по камере. Ему важно было приблизиться к объекту. У Бондарчука в «Войне и мире» есть кадры, снятые специальным широкоугольным объективом, где земля закругляется, кажется сферой. У Игоря Андреевича пространство было бегущим, у Сергея Фёдоровича – всеохватным. Он в своих картинах всегда стремился охватить это непрерывное движение жизни, мелочная суeta ему была чужда. У него весь мир вдруг погружался в туманную, серую дымку, которую внезапно рассеивали ярко-голубые гусарские мундиры. В киноэпопее «Война и мир» эти кадры производили эффект потрясающего художественного образа.

Вот странная вещь! Я всегда знал, что Бондарчук блистательный комедийный артист. Он мог вдруг скорчить такую рожу, что все вокруг сначала оторопели, а потом хохотали до упаду. Помню, во ВГИКе, когда он играл «Записки сумасшедшего» и другие актёрские этюды, его склонность к гротеску, к бурлеску проявлялась очень ярко. К сожалению, эта часть его таланта осталась не востребованной; ни им самим, ни другими режиссёрами почти не использованной. Быть может, мешало его высокое общественное положение, при котором как-то не солидно «дурака валять». Ведь он обладал колоссальным влиянием; может, наибольшим влиянием в определённый период истории нашего кино. Правда, характер у него был не мёд. Министр кинематографии А. В. Романов говорил: «Я спокоен только тогда, когда в стране нет Бондарчука; когда он в заграничной поездке, или снимает где-то в Европе, я счастлив, потому что он не выдавливают из меня соки».

Наши отношения тоже не всегда складывались блаженно и радужно. Мы и спорили, случались серьёзные конфликты. Например, Сергею не понравилась наша с Аловым картина «Мир входящему». Не понравилась, между прочим, не только ему. Министр культуры СССР Фурцева, посмотрев «Мир входящему», осерчала: «Даже с экрана у вас шинели пахнут вшами!». И Алов не смолчал: «Вы, Екатерина Алексеевна, видели шинель с Мавзолея, а я с ней четыре года не расставался и знаю, чем она пахнет»³. Сергей же не принял финал картины, где ново-

³ В 1961 году на Международном кинофестивале в Венеции фильм А. Алова и В. Наумова «Мир входящему» был удостоен

рождённый мальчик писает на оружие, и заявил: «Я не хочу, чтобы немецкий младенец поливал наше оружие». Вставить слово, что это вовсе не наше, а немецкое оружие, не получилось – Бондарчук кипятился без пауз, мол, столько ран нанесённых войной, ещё кровоточат, а мы цапкаемся на экране с какой-то беременной немкой. Быть может, я на такой взгляд на войну права не имел, но Александр Алов имел – прошёл всю войну, и не в концертной бригаде, а в кавалерийском корпусе генерала Осликовского. Алов рассказывал, как Осликовский въехал в Ростов на «Виллисе» с шашкой наголо. Его коня убили, он остановил «Виллис», вскочил на капот и, размахивая шашкой, первым ворвался в освобождённый город – потрясающий был человек, кстати, впоследствии многолетний главный военный консультант «Мосфильма».

И ещё одно ценное свойство Сергея Фёдоровича, пожалуй, главное его человеческое свойство – он был настоящим другом. Например, он крепко дружил с Толей Чемодуровым. Они учились вместе, снимались вместе в «Кавалере Золотой Звезды». Каждый раз при встрече со мной, был на то повод или нет, он говорил: «Слушай, надо Чемодурова снять». Я тоже Толю любил: замечательный был парень и актёр хороший. Сергей его тянул за собой, защищал. Конечно, без конфликтов не обходилось, но ведь не кто иной, а именно Анатолий Чемодуров стал вторым режиссёром и «Судьбы человека», и «Войны и мира». Вот эта душевная вера в друга, стремление протянуть руку, ввести в своё дело, вот эта верность дружбе – качество, которое сейчас в нашем обществе всё более утрачивается – замечательная отличительная черта личности Сергея Фёдоровича Бондарчука. Он ценил в людях всё самое лучшее, помнил всё хорошее и никого не предал.

Какая странная история приключилась с ним в конце жизни! Его всегда любили с двух сторон: народ и начальство. Вокруг него постоянно вился рой прихлебателей. Но так устроена наша жизнь – стоит человеку пошатнуться, приближённые вмиг разлетаются и начинают жалить своего благодетеля. Этот негласный, но устоявшийся закон Сергей Фёдорович испытал на себе. Его грубо обидели на пятом съезде Союза Кинематографистов СССР. Но сейчас, когда уже нет СССР, и тот злополучный съезд с треском провалился в историю, мне та развязанная кампания кажется жалкой, даже уродливо-комичной. Сказано же в Библии: «Кто без греха, пусть бросит в Него камень». Те, швырявшие камни (к сожалению, к ним примкнул кое-кто из умных и даровитых), вообразили себя безгрешными жертвами. Не получилось у большинства тех пылких съездовских ораторов создать что-то достойное в профессии, зависть терзала, и вдруг появился шанс объявить себя несправедливо пострадавшими талантами. Вот они и заявили, что не приемлют картин Сергея Бондарчука, Льва Кулиджанова, Станислава Ростоцкого, Юрия Озерова, наших с Аловым картин. Ей-богу, смешно...

Тогда я только беспокоился, как бы не разрушили руководимое мною объединение, в котором было создано 250 фильмов, в котором Андрей Тарковский снял три своих фильма из всего-то пяти, сделанных им в своей стране. Где как кинорежиссёр снимал Олег Ефремов; где создавали свои картины такие мастера Советского киноискусства, как Марлен Хуциев, Михаил Швейцер, Владимир Басов, Пётр Тодоровский, Евгений Матвеев, Юлий Карасик. К чести руководства «Мосфильма» наше объединение «Союз» было сохранено, так же, как и объединение «Время», которым руководил Сергей Фёдорович Бондарчук. Не удалось той съездовской чехарде поколебать наше дело, главное дело жизни.

Через несколько лет после того съезда встретились мы на заседании правления «Мосфильма». Он, как обычно, хмуроват, не словоохотлив. (Но уж если скажет, то не просто так – метнёт). Смотрю, у него волосы на затылке завязаны. Удивляюсь: «Серёжа, это что такое? Зачем эта кисточка?». Он, как всегда, нараспев: «Разве ты не знаешь? Опальные бояре всегда ходили с кисточкой». Вскоре входит Сергей Соловьёв, разглядывает Бондарчука: «Сергей

Фёдорович, а чагой-то у вас кисточка?». Бондарчук выдержал паузу и ответил кратко: «Хип-пую, как ты»⁴.

А теперь на «Мосфильме» встречаю Фёдора Бондарчука, пожмём руки, обнимемся, и я вдруг увижу перед собой молодого Серёжу; в Феде всё более заметна отцовская мощь. Слышал, он – то ли по радио, то ли по телевидению – сказал: «Никогда им отца не прощу». Молодец. Это слова настоящего мужчины.

Были люди, которых я любил, с кем приятельствовал, но о которых знал: пробьёт час, и придётся с ними прощаться. Про Бондарчука так никогда не думалось. Казалось, он навеки. Он во всём был очень прочный, основательный человек. И очень красиво старел.

...Незадолго до смерти Феллини мне жаловался: «Мой зритель умер. Я как самолёт, который взлетел, а аэродрома нет». Мы шли по Риму небольшой группой, вместе с Джульеттой Мазиной, Владимиром Досталем, тогда генеральным директором «Мосфильма», и редактором-переводчицей Аней Поповой. Феллини грустно говорит о смерти своего зрителя, и вдруг его окружает толпа: люди тянутся к нему за автографом, даже на Джульетту обращают меньше внимания. Я тут же не преминул заметить, мол, ты, Федерико, кокетничаешь, сам же видишь, что происходит вокруг. «Нет, – вздыхает Феллини, – обо мне пишут критики, то есть фамилия моя на слуху и в лицо меня знают». Возражаю: «Тебя приветствуют ребята восемнадцати-двадцати лет». А он гнёт своё: «Они меня знают по телепередачам. Но они – другие. У них клиповое сознание, им надо, чтобы экран мелькал быстро и ярко; моё кино им не интересно», и рассказал, какого молодого зрителя он однажды видел в кинотеатре. Парень сидел перед экраном в чёрных очках, с наушниками в ушах и роликами на ногах.

Такая вот история. Это даже не печаль, даже не беда, это, как в связи с уходом Сергея Фёдоровича – шок, словно что-то обрушилось непоправимо. Хотя в последние годы мы не часто встречались, бывало, сидели рядом на заседаниях правления Киноконцерна «Мосфильм». Он хорошо рисовал, и мы пошаливали: брали какие-нибудь деловые бумаги, пририсовывали весёлые картинки и с серьёзным видом передавали друг другу, будто обмениваемся документами. Или шепотком рассказывали друг другу смешные истории. А вот не стало его, и такое ощущение, будто в огромном здании, которое любил всю жизнь, обвалилась несущая его часть. Наверное, на моём веку это здание в прежней красоте и мощи не восстановится. Потеря Бондарчука – глубокая рана. На теле мирового кинематографа она долго не заживёт. Может, не заживёт никогда.

Самсон Самсонов, народный артист СССР

Режиссёр фильмов: «Попрыгунья», «За витриной универмага», «Огненные вёрсты», «Оптимистическая трагедия», «Три сестры», «Чисто английское убийство», «Одиноким предоставляется общежитие», «Мышеловка», «Милый друг давно забытых лет» и других.

Серёжа, знай, тебя любят и помнят

Я очень виноват перед Богом, последнее время всё каюсь...
Я совершил кучу непоправимых ошибок!

Вот с таким настроением в феврале 2001 года я готовился к своему 80-летию. Сидел в монтажной «Мосфильма», отбирал фрагменты из своих картин. Начал, разумеется, с дебюта

⁴ В 1991 году С. Ф. Бондарчук снимался в картине режиссёра А. Салтыкова «Гроза над Русью» (по мотивам романа А. К. Толстого «Князь Серебряный»). Длинные волосы он отрастил для роли боярина Морозова, ставшей его последней, 32-й ролью в кино.

– с «Попрыгуны»; увидел на экране молодых, блистательных Люсю Целиковскую и Серёжу Бондарчука – и на душе полегчало.

А ведь могло случиться так, что Сергей Бондарчук и не сыграл бы в кино одну из своих выдающихся ролей – чеховского доктора Дымова. На худсовете, когда утверждали актёрские пробы, тогдашний директор «Мосфильма» И. А. Пырьев, как всегда, темпераментно выражал своё недовольство:

– Ты соображаешь, что делаешь?! Да ведь такой Дымов всех гостей перережет! Ты посмотри на это свирепое лицо! Вспомни, каков он в роли каторжника Рваное Ухо в фильме Миши Ромма «Адмирал Ушаков»!

Я робко возражал:

– Иван Александрович, в картине Михаила Ильича он очень убедителен, и это свидетельство его дарования. А я-то давно его знаю, знаю, какая это душа.

– Ты мне тут герасимовщину не разводи! – не унимался Пырьев. И не утвердил Бондарчука. – Пробовать ещё актёров, искать Дымова! – Вот такой был приговор.

Вышел я с того худсовета расстроенный, растерянный. Подошли наши классики Ромм и Юткевич:

– Ты не расстраивайся. Ясно же – Серёжа будет прекрасным Дымовым, сними с ним ещё сцену, в другой декорации.

Я снял. И опять эти тревожные для меня часы в директорском кинозале. Отсмотрели новую кинопробу Бондарчука, вспыхнул свет. Долгая пауза.

– Да... – выдохнул Пырьев. – Глаза у него... такие хоть сто лет ищи – не найдёшь. Вот в этом его сила. Ладно. Миша! – Пырьев повернулся к Ромму. – Не будем мучить юное дарование?

– Конечно, Иван, – дымит папиросой Михаил Ильич, – пусть начнёт с Бондарчуком, а там посмотрим.

Вот так Сергей и был полуутверждён.

Однако следует признать, что наш незабываемый создатель, наш неистовый Иван Александрович Пырьев, когда в далёком 1954 году столь бурно обсуждал со мной внешний облик Сергея, был не так уж и не прав. Просвечивали в нём тогда и притягательная необузданность, и какая-то диковатая красота.

Впервые я увидел его зимой 1946 года, первой мирной голодной зимой. Во вгиковскую аудиторию, где занимались мы, режиссёры-третьекурсники объединённой актёрско-режиссёрской мастерской Сергея Аполлинариевича Герасимова, вошёл молодой человек. В сапогах, галифе и гимнастёрке без погон. Волосы в цвет воронова крыла, смуглый, кареглазый, с пылающим взглядом. Сущий цыган. Глаза у него были такие, что словами не передать. В его глазах всегда горел огонь: он то ярко пылал, то угасал, и просто сверкали зрачки. Такой выразительный взгляд меня сразил сразу. Мы быстро нашли общий язык, потому что оба постоянно рисовали. Я подошёл первым:

– Серёжа, ты что рисуешь? А я – вот взгляни – нарисовал Родольфо из «Мадам Бовари».

Я решил поставить на наших студенческих подмостках сцену из романа Флобера. А так как студенты-режиссёры должны были занимать в своих работах однокурсников-актёров, то Сергей и сыграл у меня Родольфо. Потом мы с ним сделали рисунки к инсценировке «Отверженных» Гюго, где он должен был играть героя – Жана Вальжана, а я прокурора Жовера. Правда, постановка та не состоялась, чему, наверное, Сергей в душе радовался, потому что на студенческую сцену он выходил без всякой видимой охоты.

Он по природе был очень стеснительный человек. Всю жизнь. До самой кончины. Не могу сказать, знал ли об этом ещё кто-нибудь на нашем курсе, а я знал точно. Ведь мы дружили, это была настоящая мужская дружба двух молодых людей. Герасимов по поводу нашей дружбы отпускал шуточки, мол, ходят вдвоём, смеются без конца – смешливые, как барышни.

Смех у Бондарчука был особенный: он никогда не хохотал в голос, не заливался. Он смеялся тихо, как бы про себя, мне кажется, это тоже от застенчивости. Он любил подтрунивать над людьми, многие из-за этого на него обижались. Но его усмешки, ухмылки, поддразнивания – всё это было прикрытием его скромности и стеснительности. Он часто тушевался, но, благодаря огромной воле и силе таланта, умел скрыть от постороннего глаза своё замешательство и всегда представлял перед окружающими как смелый, крепкий, крупный художник и человек. А в душе Серёжа был ранимый ребенок. Девчонки в институте за ним охотились. Ведь он был красив, потрясающ! Вот они перед ним и распускали крылышки, улыбались приветливо, а то и призывно. А он усердно учился, записывал все лекции Сергея Аполлинариевича.

...Та великая мастерская великого педагога Герасимова уже не повторится никогда. Тот смысл, тот принцип воспитания творческих людей не повторится...

Однажды Мастер предложил:

– Давайте Чехова ставить.

Мы наперебой выкрикиваем:

– «Три сестры»!

– «Вишневый сад»!

– Нет, друзья мои, давайте-ка инсценировать прозу. Никакой драматургии, только великая русская проза. Она и есть та почва, на которой вы взрастёте как художники.

Воспитание актёров и режиссёров на отрывках из пьес Герасимов отверг! Объяснял так:

– Берём, например, пьесу Островского, читаем: «Варвара – ремарка – сгоряча». И пошёл монолог Варвары. А вы ломаете голову – как же это «сгоряча» лучше исполнить? А проза полна подробностей! Представьте, какую можно поставить сцену из «Братьев Карамазовых», когда в зале суда над Митей встречаются Грушенька и Катерина Ивановна. Как они обе выписаны в этой сцене в романе! Как губы у Грушеньки задрожали и глаза потемнели!

«Попрыгунья».

Дымов – Сергей Бондарчук, Ольга – Людмила Целиковская

«Отелло». С Дездемоной (Ириной Скобцевой)

Мы слушали его, как заворожённые. Сергей Аполлинариевич помнил наизусть по несколько страниц прозы. О стихах и говорить нечего, он знал – я не преувеличиваю – миллион стихов! Мог с ходу прочесть любого поэта, очень любил Николая Гумилёва, Николая Заболоцкого высоко ценил.

И вот однажды на занятиях по мастерству он заметил:

– Я давно влюблён в один рассказ Чехова, «Попрыгунья» называется. Рассказ небольшой, а за горло берёт, слёзы исторгает. Вот бы его поставить.

Все бросились читать. Много мы тогда чеховских рассказов прочитали по его указанию. Кто-то уже начал ставить «Хористку», а Мастер о своих словах не забыл. Встречаем мы его как-то на перемене:

– Хорошо бы тебе, Самсоша, поставить «Попрыгунью», а тебе, Серёжа, сыграть главную роль.

Мне эта идея запала в душу.

В 1952 году Сергей Аполлинариевич позвал Таню Лиознову и меня (оба мы тогда были безработные) поставить вместе с ним на сцене театра имени Вахтангова китайскую пьесу «Седая девушка». Это незабываемый период в моей жизни. Таня отвечала за музыкальное решение, я – за работу с актёрами. Порой Герасимов уезжал из Москвы, и мы с Таней оставались один на один с этим сложным коллективом, хотя все относились к нам дружелюбно. И в отсутствие Мастера я репетировал с прославленными вахтанговцами! Готовился к этим репетициям ночи напролёт и был ужасно счастлив, что второй акт пьесы поставил самостоятельно. Вернулся Герасимов. Смотрим репетицию. Мастер чем-то недоволен, взбежал на сцену, стал поправлять актёров. Я занервничал и выпалил:

– Сергей Аполлинариевич, поймите, сейчас прав я! Я всю ночь думал об этом!

На что Герасимов ответил:

– А я об этом думаю всю жизнь.

И я был посрамлён. Правда, потом он меня хвалил, благодарил, что я ему целый акт размял.

Спектакль имел успех. Сергей Аполлинариевич и мы принимали поздравления. Подошёл Сергей Михалков:

– Сверлите дырочки.

– Какие дырочки? – распахнула глаза моя однокурсница, будущий режиссёр «Семнадцати мгновений весны» Таня Лиознова.

– Дырочки на пиджаках, – хмыкнул Михалков. – Для значка «Лауреат Сталинской премии», уже всё известно.

Кончалась зима 1953 года. Сергей Аполлинариевич радовался:

– Вот так и должно быть. Раз! И у вас – Сталинская премия! Кто вас теперь обидит? Никто. Наоборот – вам дадут работу, и всё будет хорошо.

А Сталин вскоре упокоился и Сталинские премии вместе с ним. Но я, если и был огорчён, то не сильно – ведь я уже репетировал на сцене Театра киноактера «Попрыгунью»!

И опять всё произошло благодаря Герасимову:

– Как театральным режиссер ты ставил со мной в Вахтанговском театре, давай-ка на сцене Театра киноактера сделай спектакль по чеховской «Попрыгунье». Представь, какая может быть замечательная постановка – там столько внутреннего действия, так тонко выписана трагедия личности.

Я написал инсценировку. Сразу же объявилась актриса на главную женскую роль – уникальная, неподражаемая Лидия Петровна Сухаревская. Как проникновенно и страстно она играла! Как точно!

А Бондарчука я никак не мог уговорить, чтобы он сыграл Дымова:

– Ты что ещё выдумал? Не хочу я играть в театре! И не буду.

Я побежал жаловаться Герасимову, но Мастер не поддержал:

– Раз не хочет – не трогай его, пригласи другого актёра. А если твой спектакль ему понравится, может, передумает...

Дымова сыграл Константин Барташевич.

Премьера прошла блестяще. Аплодировало всё мосфильмовское руководство. Пошли разговоры, что надо снимать фильм. Была тогда такая практика – сначала обыграть спектакль на сцене, а потом на его основе создать фильм. Сейчас такого нет, а жаль. Я посвятил этой театральной работе года полтора, я был весь пронизан чеховским текстом. Пригласил актёров из театра Вахтангова, усадил в ложу, потом они меня поздравляли, но Целиковской тогда не было.

Она появилась уже в гримёрной «Мосфильма». Первый раз пришла промокшая – под дождь попала, попросила полотенце, вытирает голову и восклицает:

– Какая досада! Первая встреча с режиссёром – а я так неважнецки выгляжу! Никогда со мной такого конфуза не случалось!

Хохочет, заливается, как колокольчик. Признаюсь – сразила она меня своим обаянием наповал!

– Ну? – улыбнулась кокетливо. – И кто же у нас Дымов?

– А вы повернитесь налево, сразу увидите.

– Ой! Я боюсь!

– Не бойтесь, не бойтесь, Людмила Васильевна.

– Ах! Потрясающе! Ура-а! – Она захлопала в ладоши, подпрыгнула, как счастливая девочка и бросилась целовать Бондарчука, которому в этот момент приклеивали бороду.

– Как я рада! Самсон Иосифович, вы гений – выбрать на Дымова такое талантище только вы могли! Что же до меня, то вы сделали ошибку.

– Почему, Людмила Васильевна?

– Рядом с таким гигантом я буду выглядеть дурочкой!

– Вы и должны быть дурочкой.

– Что?! – Как же она была прелестна!

Признаюсь, в начале съёмок я был зажат, ведь это была моя первая картина. Я стеснялся, но не того, что напридумывал, а тех, кого пригласил сниматься – ничего себе компания: Целиковская, Бондарчук, Дружников, Тетерин. Но стоило мне взглянуть на Серёжу, увидеть, как он мне сквозь бороду улыбается, подмигивает, прочесть в его тёплых глазах: «Порядок, Самсоша», – и я приосанивался, смущение проходило, я чувствовал, он верит в меня.

Ведь он в это время был уже Народным артистом СССР. Когда он получил это звание, в творческой Москве случился переполох. Во МХАТе все только руками разводили и приговаривали: «Господи спаси, что же это такое? Сам Сталин звание дал!» У них всего четыре Народных СССР, остальные годами ждут. В Большом театре и в Малом Народных СССР не больше пяти человек, да и подошли они к этому, когда им по 70 или по 80 стукнуло. А Бондарчуку было 32 года. Народным он стал после просмотра Сталиным фильма «Тарас Шевченко». Этот пронизанный патриотизмом фильм Сталину очень понравился, понравился и главный герой. Когда в Кремле закончился просмотр, Сталин поднялся и изрёк:

– Поистинё народный артыст!

Вот! Сказал три слова, и тут же помчались отстукивать Указ Верховного Совета. На следующее утро Серёжа проснулся Народным артистом СССР. Для того времени это была сенсация. Хотя для самого Сергея, как мне кажется, ничего не изменилось. Не знаю, как вообще он воспринимал свои почётные звания, премии, награды... Во всяком случае, когда в 1955 году на Международном кинофестивале в Венеции наш фильм «Попрыгунья» был удостоен приза «Серебряный лев святого Марка» и получил премию итальянских журналистов, он такой наш успех принял спокойно. «Мосфильм» ликовал, на студии висели плакаты «Поздравляем!», а он в ответ на восхищённые слова только молча улыбался. Помню, поздравляю его с Ленинской премией за «Судьбу человека», волнуясь, не увижу ли самодовольства или высокомерной позы, но в ответ – всё та же, знакомая с юности, стеснительная улыбка и дружелюбный, душевный взгляд: «Спасибо, Самсоша». Никогда в жизни я не замечал в нём заносчивости, тщеславия, мол, я признанный во всём мире деятель. Поэтому, когда в 1986 году, на Пятом съезде Союза кинематографистов СССР Бондарчуку с трибуны прокричали: «Кинематографический генерал», – я, признаться, сник, почуял, что наступает время разнузданное и несправедливое... После того «революционного» съезда Сергей выглядел задумчиво-мрачным. Он предвидел развал Советского Союза: человек он был мудрый, очень глубоко всё чувствовал, интуиция у него была колоссальная. Мне же на том кинематографическом собрании думалось – был бы жив Сергей Аполлинариевич Герасимов, такого позора не случилось бы; не слышали бы мы этого гадкого свиста, ёрничанья, оскорбительных тирад. А ведь наши новоявленные демократы-перестройщики отлично знали, какие творческие высоты взяты Сергеем Фёдоровичем Бондарчуком, потому и торжествовали, что пришла их пора, что можно повергнуть даже его. Понятна эта оголтелость – для них-то его высоты недостижимы.

Безусловно, роль Дымова – одна из прекрасных высот, покорённая Бондарчуком-актёром. Вспомним, например, сцену обеда из «Попрыгуньи». Дымов, Ольга, Коростылёв и Рябовский молча едят.

– Что это у вас за глупые головки Шоплена висят на стене? – нарушает тишину Рябовский.

– Эти головки Шоплена мои – с вызовом отвечает Ольга.

– Поздравляю вас, – снисходительно усмехается Рябовский. – Они украшают все купеческие гостиные.

– Спасибо, – цедит сквозь зубы Ольга и ещё сильнее раздражается.

Напряжённое молчание. Коростылёв пытается разрядить обстановку, обращается к Рябовскому, а Дымов... Дымов в растерянности: он присутствует при ссоре своей жены с её любовником! Дымов поглядывает на Коростылёва – на лице его стыд и неловкость. Когда мы обсуждали эту сцену, Сергей сказал:

– Я знаю, что играть. Я буду внутри бороться сам с собой, сдерживая не ревность, а гнев и брезгливость.

Серёжа играет гениально! Ведь в момент этой наглой стычки любовников Дымов не произносит ни слова. Мало можно вспомнить великих артистов, способных молчать на экране так, как умел Бондарчук. На его молчание крупные планы можно смотреть бесконечно! Вся глубина чувств, все движения этой чистой души отражены в его глазах.

Одна сцена в фильме далась Серёже очень трудно. Долго мы над ней бились, много репетировали. Это эпизод, когда Дымов работает у себя в кабинете, а Ольги всё нет. Он устремляется к окну, а за окном темень, идёт снег... Дымов закуривает сигару... Вдруг её голос:

– Дымов! Ды-ымов! Ты ещё не спишь? – вприпрыжку, как бабочка, роскошная, очаровательная. Присела к нему. – Мой милый, ты так здоровье своё надорвёшь. Что ты делаешь? Расскажи, мне интересно.

Он смотрит недоверчиво... И дальше сцена не шла. Репетируем, репетируем – всё не то. Вдруг Серёжа выходит из декорации, устремляется ко мне и горячо шепчет в ухо:

– Поймал! Теперь пойдёт. – И возвращается обратно в кадр.

Тот же крупный план, Дымов недоверчиво смотрит на жену:

– Ты понимаешь, доктор Мудров говорит – надо лечить не болезнь, а больного!

И Бондарчук на глазах молодеет, загорается! Вот он, творческий порыв учёного, творца! Неожиданно он взглянул на Ольгу: она припала головкой к подушечке и сладко спит, как маленькая девочка. А здесь бушует талант, происходит взлёт великого медика! А за окном метель. Он смотрит в окно, и метель то закрывает, то открывает его лицо, а он погружён взглядом в темноту ночи – подавленный царь природы, раненый человек. Я помню во время просмотра аплодисменты на этой сцене, да и не только на этой – как Бондарчук «выдаст» крупный план, так аплодисменты.

Я снял много фильмов, и, как говорят, неплохих, (из моих картин Сергей Фёдорович больше всех ценил «Оптимистическую трагедию»), но именно «Попрыгунья» живёт со мною рядом как живое существо. Я просыпаюсь среди ночи оттого, что увидел какой-то эпизод, услышал голоса, реплики. Вот передо мной Дымов-Бондарчук. Вот он вбегает в кадр во фраке, в белом жабо, просветлённый, радостный:

– Ольга Ивановна у себя?

– Да, – приседает горничная, – у неё гости.

В гостиной поют итальянский романс, а Дымов, никого не замечая, едва переводя дыхание, бежит к ней в будуар. Присел у стеночки на краешек стула, потирает колени, глаза сверкают, горят в полумраке, как две фары:

– А я сейчас диссертацию защитил.

Она смотрит в зеркало и как о чём-то постороннем:

– Защитил?

– Ого! И знаешь, может быть приват-доцентура! Этим пахнет!

Он весь – как мальчик, получивший «отлично» за три года старательного учения. Она поправляет причёску и равнодушно отвечает:

– Я не знаю, что такое приват-доцентура, Дымов, но я рада за тебя. – Поднимается, отбрасывает шлейф платья, напускает на лицо трагический вид и гордо удаляется, прикрыв за собой дверь.

И вот за то, что происходит дальше, за следующий фрагмент в Серёжином исполнении можно всё отдать!

Только что Осип Степаныч Дымов был похож на счастливого, празднующего победу юношу. (Я перед съёмкой этой сцены попросил гримёра сделать так, чтоб Сергей Фёдорович выглядел как мальчишка.) И вот стоит он один-одинёшенек, побледневший, нокаутированный. Неожиданно переводит взгляд на зеркало, видит себя, облачённого во фрак и жабо, и, устыдившись, опускает глаза, цепenea от душевного страдания, мысленно кляня себя за нелепые фрак и жабо, и страшится еще раз взглянуть в зеркало, потому что знает: сейчас он увидит не светило медицины, а униженного, жалкого докторишку. Как пронзительно отображена вся эта гамма переживаний! Какой редкостный актёрский талант и какая личностная, человеческая щедрость! Никому не видимые затраты Бондарчука стоят золота, потому что, когда он смотрит на себя в зеркало и видит своё унижение, может быть сам Сергей, он лично, пережил какие-то мучительные для себя минуты – ведь он артист великий, и он не просто играл – он жил.

И вот наступает кульминационный момент в развитии этого потрясающего чеховского образа. Зазвучала «Элегия», Дымов выходит на середину гостиной. Музыка смолкает. И в наступившей тишине он говорит одну-единственную фразу.

Итак, весь салон попрыгуньи смотрит на Дымова.

– Господа, – в его глазах заблестели слезы, – пожалуйста закусить.

Когда я смотрю этот фрагмент, меня прямо холод охватывает и от этих мужских слёз, и от этого неповторимого трагизма, которым отличалось поразительное артистическое дарование Бондарчука: «Господа... пожалуйста закусить» – никто и никогда так не сыграет!

Я так подробно рассказываю о нашей работе над фильмом «Попрыгунья», потому что снимал друга своей юности в первый и в последний раз. Конечно, мы часто встречались, всегда по-родственному. А после смерти Серёжи я ещё ближе сдружился с его женой Ириной Константиновной Скобцевой и очень благодарен ей за душевное, доброе расположение ко мне.

Ныне на Тверской улице, на доме номер 9 – доме, где он жил, висит мемориальная доска. Подойдите к ней, поклонитесь Бондарчуку. Я порой останавливаюсь у этой доски и мысленно говорю ему:

– Серёжа, прости, если что-то не так, и знай, что тебя любят и помнят, а я тебя люблю бесконечно. До свидания, милый...

А если вы окажетесь на Новодевичьем кладбище, найдите памятник Сергею Фёдоровичу Бондарчуку – на постаменте из тёмного, отливающего серебром лабрадора белая мраморная глыба, в которой высечен его портрет. С таким человеческим выражением на лице, с такой живой улыбкой, что просто оторопь берёт.

Хорошо помню тот скорбный, но солнечный не по-осеннему день в конце октября 1994 года. Блестяще тогда сказал на траурной панихиде Никита Михалков:

– Посмотри, как играет солнечный луч на твоём лице, и ты улыбаешься нам!

Я в тот горестный час в прощальном слове сравнил его с персонажем из пушкинского рассказа «Выстрел». Я говорил, что, как и тот герой, Сергей Бондарчук нередко стоял перед дулом пистолета; смерть смотрела ему в лицо, а он наслаждался вкусом сладких черешен и выплёвывал косточки!

Никогда не забуду, как он читал стихотворение Пушкина «Пророк». Я слышал его в живом Серёжином исполнении раз пять. А теперь частенько ставлю кассету, вслушиваясь в его возвышенные интонации и думаю: а ведь эти великие строки можно отнести и к выдающемуся русскому артисту и режиссёру Сергею Фёдоровичу Бондарчуку:

Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнишь волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей.

Клара Лучко, народная артистка СССР

Около 70 ролей в кино, среди них – в фильмах: «Молодая гвардия», «Кубанские казаки», «Большая семья», «Красные листья», «Двенадцатая ночь», «На семи ветрах», «Ференц Лист», «Тревожное воскресение», «Ларец Марии Медичи», «Цыган», «Возвращение Будулая», «Мы, нижеподписавшиеся», «Солнечный удар».

«Кому повем печаль мою?..»

Впервые Серёжу Бондарчука я увидела во ВГИКе. На занятия по мастерству актёра вошёл Сергей Аполлинариевич Герасимов, а рядом с Мастером стоял... нет, это был не юноша-студент, а молодой мужчина в выпетшей солдатской гимнастёрке, в ботинках и обмотках. В институте тогда училось много парней-фронтовиков, старая солдатская форма никого не удивила – поразили его глаза, чёрные-чёрные... Было в его глазах что-то магическое, такая глубина, что, казалось, постичь этого человека очень трудно. Потом мы узнали, что наш новый однокурсник до войны закончил в Ростове театральную студию, играл на сценах провинциальных драматических театров, воевал, служил в военном ансамбле. За ним была уже творческая биография. Однако ж, демобилизовавшись, приехал в Москву – опять учиться, глубже постигать премудрости актёрской профессии. Он прочитал нам гоголевскую «Птицу-тройку» и заворожил своим голосом: с переливами, с оттенками. Я бы сравнила его голос с хорошим вином, которое достаточно понюхать, и от одних ароматов может закружиться голова, недаром же дегустаторы говорят: букет. А у Серёжи Бондарчука такой «букет» в голосе был. Богатство, красота интонаций и глубина глаз притягивали к нему мгновенно, ему, казалось, и делать, играть ничего не надо – просто сказать фразу, посмотреть, и сразу веришь ему, попадаешь в плен его личностного обаяния. А ведь он человек нелюдимый, из породы молчунов, на вопросы отвечал односложно, больше бурчал. «Угу. Ага. Гмм», – только это мы от него и слышали. Обо всём думал про себя, всё хранил внутри...

«Судьба человека» – картина, потрясшая мир

Сергей Герасимов вручил своему ученику Главный приз Московского Международного кинофестиваля за фильм «Судьба человека»

Помню, перед государственным экзаменом по мастерству актёра педагог по художественному слову Марина Петровна Дангман слушала в исполнении каждого из нас выбранное прозаическое произведение. Занятия затянулись, читали мы подолгу. В старинном, с высокой спинкой кресле Марина Петровна восседала царственно (поговаривали, что ее мама была фрейлиной императрицы Александры Фёдоровны) и каждому давала наставления. Бондарчук шёл последним, у него был приготовлен рассказ Чехова «Тоска». Серёжа стал грустен и прочёл эпиграф «Кому повем печаль мою?..». Вдруг Марина Петровна – брык! – и упала в обморок вместе с креслом. Мы всполошились, кинулись её поднимать, кто-то побежал за нашатырём, наконец, привели её в чувство... и только тут вспомнили про Бондарчука. А он всё это время так и простоял не шелохнувшись, с таким же грустным лицом. Едва Марина Петровна открыла глаза, еще толком не опомнилась, а Серёжа с той же печальной, распевной интонацией, своим прекрасным голосом повторил: «Кому повем печаль мою?..». Мы захохотали...

Наш однокурсник из режиссёрской мастерской Юра Егоров⁵ считал, что у Серёжи есть дефект: лицо казалось чуть приплюснутым. «Какой Сергей талантливый, – говорил Юра, – а вот снимать его будет трудно». Но вдруг им заинтересовались студенты операторского факультета. Мы же все друг у друга фотографировались, снимались, дружили, влюблялись, женились и выходили замуж – всё это было в нашей студенческой жизни. И вот ребята-операторы на своих занятиях по мастерству (было у них задание – портрет) сделали Серёжин фотопортрет. Принёс он его в нашу мастерскую и сам был поражён. Операторы нашли очень удачный ракурс, высветили главное в его лице – глаза. На большом фото была явлена очень сильная мужская личность. И Юра Егоров, поглядев на фото Бондарчука, воскликнул: «Как я ошибся! Серёжу ждёт большое будущее».

⁵ Егоров Юрий Павлович (1920–1982) – народный артист РСФСР, режиссёр таких любимых зрителями картин, как «Добровольцы», «Простая история», «Однажды, двадцать лет спустя», «Отцы и деды».

Начал Сергей с огромной высоты, иначе и не определишь его работу над ролью Тараса Шевченко. Но с такой высоты можно упасть, а можно подняться ещё выше. Александр Петрович Довженко, посмотрев картину, сказал про Серёжу: «У него глаза Сократа».

...Серёжа Бондарчук и Инна Макарова стали супругами еще во вгиковские времена. С Инной мы, хоть близкими подругами не были, но добрые отношения поддерживали и после окончания института. Я уже была замужем за Сергеем Лукьяновым, с которым встретилась на съёмках «Кубанских казаков» – разве можно было не влюбиться до потери сознания в этого мощного, красивого человека, грандиозного артиста!

...Хорошо помню тот день, когда Сергей вернулся из Ялты, с натурных съёмок фильма «Отелло», и мы с Лукьяновым пришли к ним с Инной в гости. Сначала поговорили об этой сложнейшей роли и о режиссёре Юткевиче (с которым я познакомилась в начале пятидесятых, когда вместе с ним, а также Любовью Петровной Орловой и Григорием Васильевичем Александровым представляла советское кино на кинофестивале в Каннах). Мы с Бондарчуком согласились друг с другом, что Юткевич – режиссёр замечательный, и ещё – эстет, художник. Но я заметила, что Серёжа почему-то нервничает. Когда Инна отлучилась на кухню, он вдруг быстро достал альбом и показал нам рисунок: головка очень красивой девушки, а под портретом – его стихи, посвященные ей.

– Ребята, – зашептал нам, волнуясь, – я сошёл с ума! Я ничего не могу делать, ни о чём думать не могу. У меня перед глазами одна она. Только вам, близким друзьям, показываю: посмотрите – она же чудо! Я её люблю! Не знаю, как буду без неё жить!

Мой Сергей говорит:

– Брось, дружище. Конечно, всякое бывает, но подожди – картина закончится, и жизнь войдёт в обычное русло.

А я и не знала, что сказать: ведь с Инной Макаровой мы однокурсницы... но тут чисто женским чутьём поняла, что Серёжа Бондарчук безумно влюбился, и влюблялся, наверное, с каждым днём всё больше. Только представить: лето, море, чарующая Ялта, а главное – классические шекспировские роли... и каждый день перед ним – прелестное создание – играющая Дездемону его партнёрша, которая по роли любит его бесконечно. Возможно, подумала я, разглядывая портрет незнакомки, к нему пришла такая необыкновенная любовь, в которую человек ныряет с головой...

Я посмотрела «Отелло». Конечно же, картина прекрасная, актёрский ансамбль очень сильный. Наш классик Сергей Иосифович Юткевич, энциклопедически образованный, блестяще артистичный Юткевич, почувствовал, распознал в актёрском даровании Бондарчука способность к высокой трагедии. Кто ещё в то время мог сыграть Отелло? По-моему, никто. Бондарчук – великолепный Отелло. В его лице была какая-то дикая восточная притягательность... Эти чёрные, пронзающие, горящие глаза... Ему и грима сложного не нужно: сделали курчавые волосы, тёмное лицо – и вот он, родовитый мавр. В сцене с Яго, когда обманутый Отелло терзается изменой Дездемоны и кричит: «Платок?! О! Дьявол!» – в нём клокотал такой неистовый темперамент, что казалось, сейчас прыгнет с экрана и придушит первого попавшегося.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.